

ГНЕСИНКЕ – 125!

БЕЗ ФАЛЬШФ

Специальный выпуск / 2020
bezfalshi.ru

Что такое «чистоплотность музыканта» 4

Студенты, берегите ваш тип мышления! 6

Музыка в лабораторных условиях 7

«У нас впереди вся жизнь» Поздравление ректора А. С. Рыжинского

Александр Рыжинский, 2000-е

Дорогие мои!

Мы ещё так молоды: нам всего лишь 125. Я очень хочу, чтобы наша жизнь была запоминающейся и яркой – такой, какой она была, когда я учился в этих стенах.

Не вспомню даже, как я узнал про Гнесинскую академию. У меня ощущение, что я знал про неё всю жизнь. Может быть, потому, что Елена Фабиановна Гнесина как автор хрестоматийных пьес для начинающих знакома каждому с первого класса музыкальной школы. Но сначала, учась в Омске, я даже мечтать не смел о Гнесинке. Уже потом, когда выиграл свой первый конкурс, вдруг подумал: «Почему бы действительно не поехать сюда?»

Первое, что запомнилось – здание с колоннами. Входишь, слышишь музыкантов, которые занимаются в коридорах, и понимаешь: как здорово они играют! В общем, зашёл, услышал, вдохновился.

Вдохновляли и уникальные люди, с которыми я встречался в студенческие годы. Мне удивительным образом везло: я учился у лучших из лучших. Владимир Онуфриевич Семенюк, который 36 лет руководил хором Гнесинской академии – благодаря ему коллектив был одним из самых известных в стране. Педагог по дирижированию Елена Николаевна Байкова, которая учила по-особому слышать, рационально и эмоционально переживать музыку. Не перестаю восхищаться моим научным руководителем, Татьяной Владимировной Цареградской. Она – выдающийся музыковед и просто неиссякаемый источник идей.

Да, трудностей в мою бытность студентом было немало. Ведь для человека, который вырос в тепличных домашних условиях, жизнь в общежитии не очень-то привычна. У нас то лифт не работал, то душ, то раковины засорялись... Тем не менее, жили мы очень дружно. И всегда радовала сама атмосфера братства и взаимовыручки. Вы не поверите, но в те времена глав-

ными были проблемы совсем другого порядка: когда затрудняешься проанализировать какую-нибудь сложную сонатную форму или написать четырёхголосную фугу со стреттой. Даже вопрос нехватки денег так болезненно никогда не воспринимался: в конце концов, была работа, которую мы умели правильно согласовывать с учёбой.

Для меня Гнесинка – это дом. Так повелось с самого начала, потому что Елена Фабиановна Гнесина, её сестры, брат были одной большой семьёй. И, несмотря на все сложности взаимоотношений, которые в больших семьях возникают, Гнесинский дом всё равно остаётся тем местом, куда очень хочется приходить снова и снова.

Всё это накладывает особые обязательства и, вместе с тем, даёт особые возможности. У нас ценятся доверительное, неформальное общение между студентом и преподавателем и глубокая заинтересованность педагогов в твоей судьбе. Например, мой урок по дирижированию мог продолжаться до 11 часов вечера (тогда охранники были не такие свирепые и нас не гоняли). Мы и сегодня во многом так общаемся: не за рубли и часы, а за правду.

Гнесинский дом – это ещё и «семья» учебных заведений, которые по сей день отлично взаимодействуют. У нас общий педагогический состав: в музыкальной школе работают и профессора академии, и преподаватели училища. Вспомним и про общие традиции. Одна из них – встречаться 15 февраля в одном большом концерте и приветствовать лучших представителей наших учебных заведений. Увидеть разные поколения гнесинцев можно и на других концертах. Например, хоры училища и академии традиционно объединяются, чтобы исполнить «Carmina Burana» Орфа.

Времена меняются, меняются студенты. Когда-то мы больше писали, больше читали, потому что не было даже электронных книг. Нынешний студент, во-

оружённый гаджетами, меньше нуждается в готовых знаниях, которые в любой момент можно почерпнуть из различного рода ресурсов. Сегодня я вижу много талантливых студентов, которые делают поразительные успехи. У многих из них, правда, в большей степени «пуантилистическое» мировосприятие: они знают какую-то информацию, но точно; порой не хватает последовательности, умения всё это осмыслить. Не могу сказать, хорошо это или плохо – это просто по-другому. Про лоботрясов, которые не учатся и, наверное, никогда не будут учиться, говорить не буду. Хотя признаюсь, многие из этих студентов талантливые.

Совершенно ясно, что наша информационно-технологическая эпоха в итоге изменит и саму модель образования. Но ведь идея реформирования родилась не сегодня и даже не вчера, а гораздо раньше. Важно также понимать, что реформа будет длиться ещё многие десятилетия, и всё время что-то будет не устраивать. Это нормально: любое жизнеспособное явление должно быть динамичным. Помню, как один из педагогов говорил, что не успела опера родиться, как начала реформироваться; Монтеверди, Глюк, Моцарт – каждый от себя что-то добавлял.

Уже сейчас в образовании выстроилась другая система общения студента с педагогом, которая называется модным термином «студентоцентрическая парадигма». Кроме того, мы постоянно ищем новые подходы к репетиционной практике, пробуем в обучении новые жанры – ведь в наше время невозможно ограничиваться лекционными и семинарскими занятиями. Взять те же онлайн-курсы: думаю, что у академии музыки здесь огромное преимущество, и эти курсы могут стать доступны всей стране.

Вспоминаю своего педагога по фортепиано Александру Павловну Батагову. Будучи уникальным мастером интерпретации современной музыки, она говорила, что можно ничего не знать о новом сочинении, но прослушивая, «прощупывая» его, постепенно приближаться к тому, что правильно, а что нет. Поиск, желание искать – это то, что сопровождает меня всю жизнь. И в дальнейшем я вижу Гнесинку сильной, успешной, передовой, не боящейся экспериментов. Так что будем современными, но максимально далёкими от сферы «образовательных услуг».

Теперь, по случаю юбилея, советы и пожелания.

Абитуриентам: обязательно пытайтесь сюда поступить, потому что училище и академия музыки имени Гнесиных – это основа настоящего профессионального роста, это уникальная атмосфера свободы и общения друг с другом.

Выпускникам желаю не разочароваться в профессии и ни в коем случае не уйти из неё. Да, иногда кажется, что где-то лучше и интереснее, но в итоге может остаться ощущение потерянного рая.

К сожалению, время уходит, сжимается, подобно стретте. Поэтому наслаждайтесь каждым моментом, проведённым в этих стенах. Свет и тепло, которые излучает Гнесинский дом, гармонизирует негативные мысли. Гармония – ключевое понятие в музыке. А музыка – главное дело нашей жизни, наша путеводная звезда.

С праздником!

Материал подготовила
Анастасия Деминская

Сердце Гнесинки

В этом году мы отмечаем ещё один юбилей: 50 лет назад – 25 февраля 1970 года – принял первых посетителей музей-квартира Елены Фабиановны Гнесиной. Это единственный в Москве мемориальный музей, который располагается в здании вуза.

Музей был основан после смерти Елены Фабиановны Гнесиной в той квартире, где она прожила последние 18 лет своей жизни. Он возник по инициативе музыковеда Маргариты Эдуардовны Риттих, которая в годы Великой Отечественной войны была директором Музея П. И. Чайковского в Клину. Елена Фабиановна руководила гнесинскими учебными заведениями на протяжении 72 лет. Именно здесь, в этой скромной квартире, она занималась со своими учениками, принимала посетителей, решала деловые и административные вопросы. Подлинная обстановка кабинета-гостиной и спальни сохранилась без изменений, и сейчас в комнатах всё точно так же, как было при жизни хозяйки.

Прежде всего, мемориальная квартира – это особенное место для «своих»: все поступившие в училище и академию проходят здесь посвящение в студенты. Экскурсии предлагаются на любой возраст и вкус – и для совсем маленьких детей (4+), и для взрослых. Директор музея Андрей Александрович Гапонов говорит, что самая любознательная и благодарная аудитория – это школьники, которые приходят сюда на музыкально-просветительские лекции, активно участвуют в городской олимпиаде «Музеи, парки, усадьбы». Нередко квартиру на Поварской посещают именитые гости и даже официальные делегации. Так, в святая святых Гнесинки в своё время побывали Вэн Клайберн и королева Бельгии Елизавета (1962), мэр Москвы Юрий Лужков и министр культуры Владимир Мединский. Регулярно приходят зарубежные гости, в том числе профессора университетов и музыкальных академий.

Не менее важны для музея научная и издательская деятельность, сотрудничество с другими учреждениями культуры, например, Музеем П. И. Чайковского в Клину, Мемориальным музеем А. Н. Скрябина, Российской национальной библиотекой. С 2009 года Гнесинский музей принимает участие в работе Ассоциации музыкальных музеев и коллекций. С 2004 выпускается серия «Записки мемориального музея-квартиры Е. Ф. Гнесиной». Самый большой на сегодня труд – «Гнесинский дом. История учебных заведений», фундаментальное издание, над которым работали десять лет.

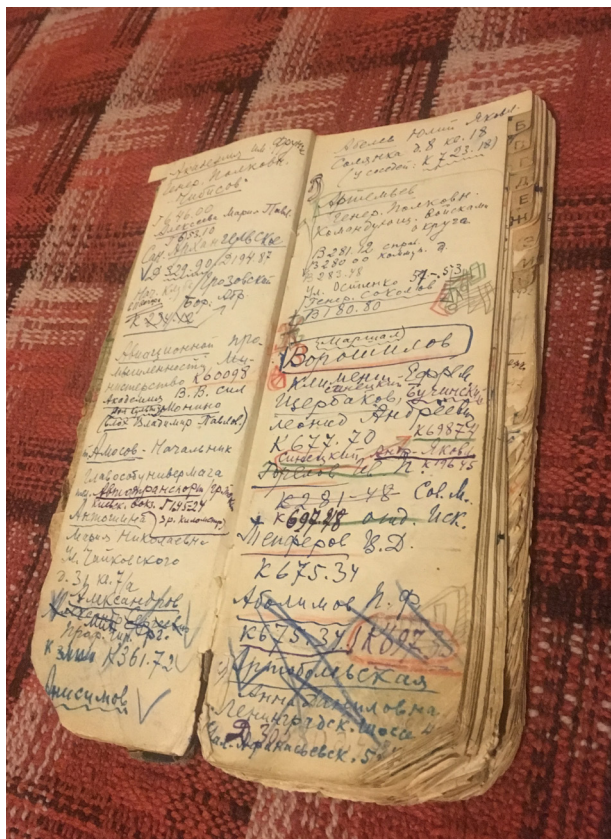
Но самое главное – это, конечно, фонды, которые насчитывают более 20 тысяч предметов. Их надо сохранять, изучать и выставлять, что при скромной площади музея-квартиры совсем непросто. Мы решили показать некоторые уникальные экспонаты музея.

В этом аквариуме водились рыбки, которых Елена Фабиановна разрешала кормить своим самым прилежным ученикам. Аквариуму более 100 лет – он встречается на фотографиях 1900-х годов

Первая вывеска Музыкального училища Гнесиных (1895)

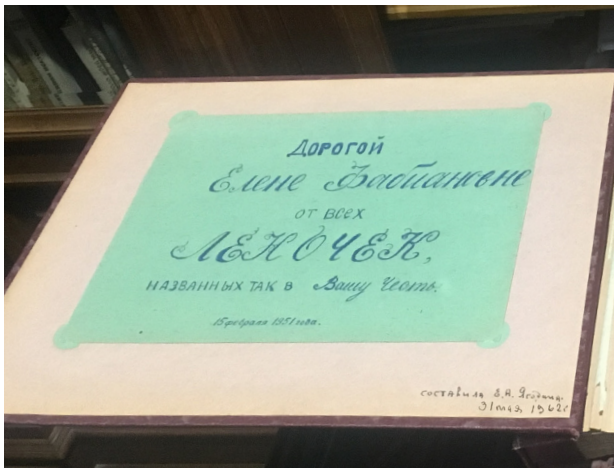
Телефонная книга Елены Фабиановны. Список абонентов говорит сам за себя: Р. М. Глиэр, К. Е. Ворошилов, Д. Д. Шостакович, ЦК партии, Министерство иностранных дел, цветочный магазин

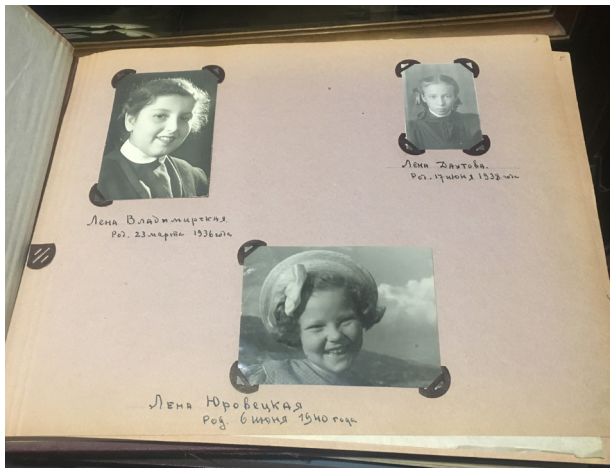
Зеркало подарено Московским университетом в 1901 году на свадьбу Евгении Фабиановны, старшей сестры в семье Гнесиных (её муж был историком и профессором университета)

Балалайка – юбилейный подарок Е. Ф. Гнесиной от факультета народных инструментов

В этом альбоме собраны фотографии «Леночек» — детей учеников Елены Фабиановны, которые были названы в честь неё

Поднимаясь по лестнице на второй этаж (бывшая квартира Ольги Фабиановны Гнесиной), посетитель видит цветной витраж. Он попал сюда из старинного московского особняка XVIII века, разрушенного во время Великой Отечественной войны. В 1940-е годы, когда строилось здание института им. Гнесиных, тогдашний завхоз собрал стёкла и выложил из них этот витраж

Письменный стол в кабинете Елены Фабиановны Гнесиной. Сверху на столе стоит портрет королевы Бельгии Елизаветы, подаренный самой королевой. Снизу — общее фото педагогов факультета народных инструментов в кабинете Елены Фабиановны, а также перо Синей птицы, подаренное Натальей Сац

Макет кабинета Е. Ф. Гнесиной. Выполнен в 1950 году мамой одного из учеников Елены Фабиановны и подарен ей

*Материал подготовили
Владислава Власова и Ангелина Дудикова
Фото: Мемориальный музей-квартира Е. Ф. Гнесиной*

REQUIEM

Бесконечная фермата

*Памяти гнесинцев, погибших
в Великой Отечественной войне*

Никого не пощадила война, унеся множество жизней, сломав миллионы судеб... Не обошла она стороной и студентов, выпускников и преподавателей Гнесинки. Имена погибших за Родину гнесинцев увековечены на доске, что размещена в здании академии. В этом списке — Ленина Моисеевна Варшавская (1925-1944) и Михаил Ильич Душский (1913-1941).

О судьбе Ленины Варшавской поведал её двоюродный брат Владимир Парнес. В 1941 Ленине было 16 лет. Подающая большие надежды виолончелистка — студентка Гнесинского училища — отправилась в эвакуацию вместе с родителями, но на первой же станции исчезла, оставив записку: «Отец! Сейчас нужна другая музыка». Чтобы родители не разыскали её, девушка в документах прибавила себе два года, сменила имя и отчество, и стала 18-летней Еленой Михайловной — медсестрой в военном госпитале. В 1943 Ленину призвали в действующую армию.

Во время Курской битвы военный фельдшер Варшавская захватила в плен двух фашистов: один был ранен, второй пытался ему помочь, взвалив друга на плечи. И тут увидел, что в него целится из нагана девушка. «Хенде хох!» — выдохнула Ленина. И доставила немецких офицеров в расположение части.

В бою под Выборгом 20 июня 1944 года, раненая в ногу, она под огнём вынесла девять человек и разорванный осколками труп командира, за что была награждена орденом Красной Звезды (по другим сведениям — орденом Отечественной войны I степени).

Михаил Душский

Ленина Варшавская

Ленина всегда шутила: «Я маленькая — меня пуля не найдёт...» Так и случилось: девушка погибла по трагической случайности. В 1944 году автоколонна советских войск въезжала в пригороды Таллина, когда в небе появился «мессершмитт» и открыл огонь. Грузовик, на подножке которого стояла старшина Варшавская, оказался в кювете и перевернулся — девушка, придавленная кабиной, погибла.

Композитор, выпускник Гнесинского училища Михаил Ильич Душский ушёл добровольцем на фронт в 1941 году. О своём отце рассказал Вадим Душский.

Михаил был талантливым музыкантом. Его способности проявились довольно рано, сочинять музыку он начал ещё мальчишкой. Душский обучался композиции у Г. И. Литинского сначала в Гнесинском техникуме, затем в консерватории. Он оставил множество дневниковых записей о встречах и занятиях с Н. Я. Мясковским, С. С. Прокофьевым.

Когда композитору было 23 года, он отправился в Мордовию для собирания и изучения мордовских песен, затем переехал в Северную Осетию, но творческую работу прервала война.

«Мой долг быть сейчас там, где идут бои за нашу Родину», — заявил Михаил коллегам и друзьям. Он ушёл воевать в составе Краснопресненской дивизии народного ополчения.

«Пью сырую воду, ем самую грубую пищу и чувствую себя великолепно», — докладывал Душский родным с фронта.

Чуть позже он обратился с просьбой к матери жены: «Нахожусь в очень трудных условиях, не знаю, какая участь меня ждёт. Передайте Нонне, чтобы она воспитала сына так, чтобы он был сильным... чтобы мог сам себя защитить, чтобы не был таким неженкой, каким некогда был его отец». В другом письме Михаил сообщал: «У меня всё в порядке, я здоров. В Москве придётся быть нескоро: мы уже далеко от неё... Не думай, что здесь голодно, но просто иногда хочется, чтобы запахло домом...»

Михаил Душский погиб в жестоких боях в районе деревни Уварово на Смоленщине в октябре 1941 года.

При подготовке текста использованы материалы, опубликованные в газетах «Московский комсомолец» («Ты не с мяги?», 2007), «На Пресне» («Он был краснопресненцем», 2010), в интернет-газете «Мы здесь» («Сердце Ленины», 2007), в журнале «Музыкальная академия» («Мордовские страницы в творчестве М. И. Душского», 2015).

*Материал подготовила Владислава Власова
Фото: Мемориальный музей-квартира Е. Ф. Гнесиной*

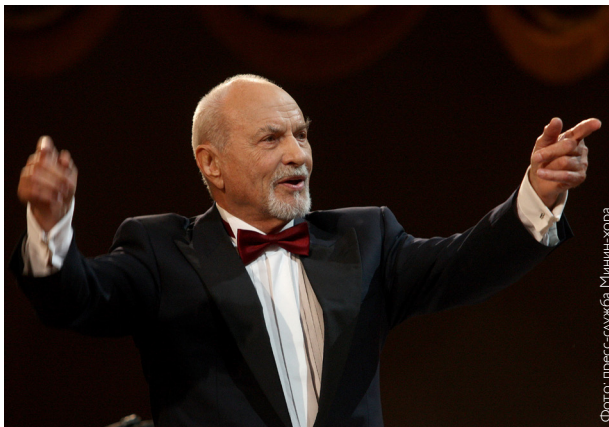
Собачья площадка – Воровского – Поварская

Преподаватели и выпускники – о том, как поступали, учились и работали в Гнесинке

Владимир Минин

Художественный руководитель Государственного академического камерного хора, народный артист СССР, ректор ГМПИ им. Гнесиных в 1971–1979 годах

Я пришёл на должность ректора после Юрия Владимировича Муромцева. И это оказалось рискованным предприятием, потому что Муромцев был свой – он вышел из этого «комбината». А я – «варяг», и мне, конечно, было сложнее. Ещё до ректорства, когда я преподавал в институте, мне были видны некоторые недостатки семейного учебного заведения. Прежде всего, отсутствие должной требовательности к студентам. Я бы сказал, что изначально – это учебное заведение для детей разночинцев, поэтому отношение к ним всегда было такое: «Молодец, деточка, замечательно!» – даже если это очень плохо. Поощрение являлось главной идеей, что естественно: из школы возникло училище, из училища вуз, и сама атмосфера, естественно, сохранялась. Но ведь это разные стадии обучения! Студент в вузе должен учиться, а этот суффикс «ся» в некоторых случаях забывался, поскольку в институте как бы продолжалась школа, то есть студентов учили. Поэтому, чтобы влить «новую кровь», я вынужден был пригласить крупных музыкантов-исполнителей того времени: Зару Долуханову,

Валентину Левко, Владимира Спивакова, Валентина Берлинского, Олега Крысу, из Киева – пианистов Кравченко и Александрова.

На должности ректора я, что называется, воспользовался административным ресурсом и кликнул клич о создании студенческого камерного хора. И студентами, и аспирантами, и педагогами идея была воспринята очень положительно. К занятиям я никогда не принуждал, никого не задерживал: люди приходили, уходили. Лично мне это давало огромное удовлетворение, поскольку тогда в голове у меня уже сложилось представление, каким должен быть камерный хор. Наш первый концерт мы дали год спустя, 23 апре-

ля 1972. Тогда же в «Правде» вышла заметка о том, что появился коллектив со своим почерком. Автором второй публикации был Валерий Гаврилин, который после наших концертов в Ленинграде написал буквально два предложения, но ухватил самую суть. Я бы сказал, что в камерном хоре иная, чем в большом хоре, манера общения со слушателем. Это другое искусство – более тонкое, более глубокое, если хотите. Здесь нужно, чтобы слушатель ощущал, что именно с ним мы делимся своими чувствами.

Вспоминаю случай, который говорит о необыкновенной щепетильности людей, с которыми мне пришлось работать. Был такой пианист Анатолий Иванович Ведерников, кристальной честности человек, замечательный музыкант. И вдруг однажды он буквально влетает в мой кабинет и даёт мне пачку денег. А в то время шли приёмные экзамены. Первый раз в жизни видя Анатолия Ивановича в таком нервном состоянии, я понял, какую же обиду нанесли этому человеку! Спрашиваю: «Что это такое?» А он: «Это мне взятку дали». Я посчитал деньги и говорю: «Невысоко же Вас оценили...» Быстро вызвал мамашу абитуриента, высказал ей всё, что по этому поводу должен был сказать, вернул деньги при свидетелях. Всё это меня поразило. Ведь брали, а поди поймай кого за руку. А тут – такой поступок! Чистоплотность музыканта.

Виктор Власов

Профессор, заведующий кафедрой концертмейстерской подготовки, советник президента РАМ им. Гнесиных, окончил Институт имени Гнесиных в 1965 году

Трудно вспомнить педагогов, которые не оказали бы на меня влияния, – они все обладали индивидуальностью. Я учился у Константина Христофоровича Аджемова, профессора консерватории, который работал у нас по совместительству. Это был человек рафинированной культуры, образованнейший, знающий несколько языков. Сейчас многие знают языки, но тогда это было другое. Для таких людей был открыт особый мир.

Адольф Давидович Готлиб был человек скромный, тихий, очень деликатный, но его влияние как человека заинтересованного, погруженного в своё дело, было велико. Рузана Карповна Ширинян знала музыку, как саму себя. Она могла сыграть эпизод из какой-нибудь симфонии в другой тональности, и группа студентов, которая обладала абсолютным слухом (я к ней тоже относился), путалась на уроке, так как запоминала темы по тональностям.

С Юрием Владимировичем Муромцевым [ректор с 1953 по 1970. – Прим. ред.] у меня однажды была одна очень странная встреча, после которой я понял, что мы о нём многого не знаем.

Однажды в будний майский день я гулял вдоль канала Москвы-реки и пришёл в довольно глухое место. Природа была ещё нетронута: лес, поля, маленькие листики на деревьях. Было часов шесть, солнце по-

немногу садилось. Места эти были совершенно безлюдные, и тут навстречу идёт какой-то человек. Это оказался Юрий Владимирович. Он спросил: «А что вы здесь делаете?» Я ответил, что мне нравится гулять по этим местам. Он задал ещё какие-то вопросы, и мы разошлись. Я быстро забыл об этой встрече. Недели через три меня вызывает Муромцев. Я начал вспоминать, что же такого натворил (а студенты до ректора вообще никогда не доходили). В общем, пришёл. Юрий Владимирович начал разговор издалека: «Кто ваши родители?» Я подумал тогда: ну всё, выгонять будут, но никак не мог понять, почему. Состоялся очень личный разговор. Оказалось, его растрогало, что я, как и он, очень люблю природу, и он предложил приобщать к этому делу других.

Когда я учился, не было принято думать о карьере. У меня был интерес узнать и услышать новое, потому что в те годы, например, не звучали Малер, Стравинский. Для прослушивания этой музыки дома все пользовались магнитофонами «Днепр» и другими подобными. Мы, например, обменивались впечатлениями после прослушивания 4-й симфонии Малера – это было потрясение. Стравинский из-за высказывания о Глинке был запрещён до 1963 года, пока не приехал в Союз лично. Мне случайно достался билет в партер, я сидел на 12 ряду (обычно студенты сидели во 2 амфитеатре). Вышел Стравинский – такой маленький, весь согнутый, с большим носом. И вдруг мне кто-то дал в спину! Я растерялся. Поворачиваюсь, а Мария Вениаминовна Юдина говорит: «Как вы можете сидеть, когда здесь Стравинский?» И она, единственная в зале, встала. Это было очень трогательно. Я тоже вместе с ней некоторое время постоял, а потом весь партер поднялся.

Потом к нам приезжали «Нью-Йорк Сити балет», парижский театр Жана Вилара, Марго Фонтейн, и для нас открывался огромный художественный мир. В этом была прелесть, но слишком большие впечатления отвлекали нас от занятий. В последние годы моего обучения я даже слишком увлёкся – тогда как раз открылся железный занавес, и мы каждый день стояли за билетами. Цены были доступные для студентов: в Большой зал консерватории на концерт Нью-Йоркского симфонического с Бернштайном билет стоил 3 рубля 50 копеек. Но нужно было постоять ночь, а я как раз жил у Никитских ворот, поэтому в ночь продажи билетов мы несли дежурство.

Борис Егоров

Педагог, баянист, профессор, заслуженный деятель искусств РФ, окончил Институт имени Гнесиных в 1962 году

1957-й – решающий год в моей жизни. Тогда я окончил Музыкальное училище имени Мусоргского в Ленинграде, в классе Петра Ивановича Говорушко. Куда идти учиться дальше? Ленинградская консерватория располагалась в пяти минутах ходьбы от моего дома, на Большой Подрядческой, где я жил с мамой, но там не было факультета народных инструментов. Первый факультет появился именно здесь, в Институте имени Гнесиных, где, кстати, уже

учился и мой педагог, Пётр Иванович (на заочном). Здесь учились и другие известные исполнители: балалаечник Александр Борисович Шалов, баянисты Иван Иванович Шитенков, Борис Георгиевич Беньяминов...

Мне тогда Пётр Иванович говорил: когда окончишь училище, поступай в этот институт. И в 1957 году я сюда приехал. Волновался, конечно: конкурс большой, семь человек на место. Но мне повезло, я выдержал экзамены.

С 1957 по 1962 учился на факультете народных инструментов нашего родного вуза. Потом я начал здесь работать, и работаю уже 58-й учебный год, вы можете себе представить?

Владимир Федосеев

Дирижёр, педагог, народный артист СССР,
художественный руководитель и главный дирижёр
Большого симфонического оркестра имени П. И. Чайковского
окончил Институт имени Гнесиных в 1957 году

Для меня академия – родной дом. Я приехал в Москву из Ленинграда, после училища, потому что в Ленинградской консерватории не было факультета народных инструментов. Тогда Гнесинский институт возглавлял Юрий Владимирович Муромцев. Он был очень строг, его все боялись. Но к нему всегда можно было прийти с любой просьбой. Он следил за студентами, приходил ко всем на экзамены, поправлял, ругал иногда, но при этом делал всё с добрым отношением. В Гнесинке царила атмосфера более душевная, нежели в консерватории, где всё было официально и на высоком уровне, но домашнего тепла, заботы педагогов не хватало. Когда позже я стал преподавать в академии, понял, что мне намного ближе взаимоотношения педагога и ученика в Гнесинке, чем в Московской консерватории.

Фото: Олег Нейланд

В класс для занятий дирижированием мы заходили с дрожью в теле и сознанием того, что нас сейчас будут «причащать». Занимались, по-моему, в двадцатом классе на втором этаже. Моим первым педагогом по дирижированию был Николай Пантелеймонович Резников – профессор, который преподавал по западной школе, потому что в России своей школы ещё не было.

Любимые дни в институте – те, когда студенты получали стипендию. Мы всегда вначале отдавали долги, а после отмечали. Но не забывали, что надо учиться и с каждым годом повышать уровень своих знаний.

Во время обучения меня пригласили на радио возглавить оркестр. Я боялся, так как это большая ответственность. Но в меня верили, и это придавало силы. Предложение возглавить Большой симфонический оркестр тоже стало большим событием. Серьёзный взгляд на меня и помощь выдающихся людей тогда были очень важны, потому что мир наш очень разный: не все улыбаются друг другу, некоторые страдают от зависти. А меня вела судьба.

Аркадий Шилклопер

Валторнист, композитор, аранжировщик, импровизатор,
окончил Институт имени Гнесиных в 1981 году

Впервые я пришел в Гнесинку в 1973 или 1974 году. Тогда я заканчивал учёбу в МВМШ (Московская военно-музыкальная школа, ныне – Московское военно-музыкальное училище), размышлял о будущем, искал возможности саморазвития и не собирался посвящать себя военно-дирижёрскому делу. А школа как раз готовила кадры для факультета военных дирижёров при Московской консерватории.

К счастью, мой педагог по специальному инструменту – Жак Абрамович Либерман – не был военным, и видел во мне будущего музыканта-валторниста. Он-то и привел меня на консультацию к профессору ГМПИ им. Гнесиных Александру Алексеевичу Рябинину, которому я понравился, и к которому, будучи

Фото: Игорь Сауров

уже солдатом срочной службы оркестра Военно-политической академии им. В. И. Ленина, я начал ходить на занятия каждый понедельник.

Институт на меня произвел тогда неизгладимое впечатление! Большие, светлые аудитории, интеллигентные, красивые профессора, да и студенты не отставали! В атмосфере чувствовалась глубокая история, многолетняя традиция, преданность искусству, духовность и душевность...

В годы учёбы я играл в нескольких коллективах, но всё успевал: у меня была хитрая система. Я обязательно приходил на первый урок к незнакомому преподавателю по незнакомому предмету. В течение урока задавал несколько вопросов по теме, всяческим образом демонстрируя свой интерес к предмету. Учителя меня запоминали, отмечали и ставили в конце года зачёты и хорошие оценки. Но вот зачёт по немецкому языку я так до сих пор и не сдал!

Анна Аглатова

Оперная певица (сопрано), солистка Большого театра,
лауреат премии Президента РФ,
окончила Музыкальное училище им. Гнесиных в 2004,
РАМ им. Гнесиных в 2009 году

Поступление в училище сейчас воспринимаю как Божье провидение, которое кардинальным образом изменило мою судьбу. За полгода до вступительных экзаменов я решила прослушаться у Маргариты Иосифовны Ланды, которая чётко дала понять: петь ты не умеешь, но поступать должна. Дело в том, что музыкальную школу я окончила как пианистка и собиралась стать концертмейстером. Но, постоянно играя в ансамбле с вокалистами, в какой-то момент я тоже захотела попеть. Благодаря Гнесинке попела я знатно!

Фото: Елена Файнберг

Мой педагог Рузанна Павловна Лисициан фактически дала путёвку в Большой театр; Дмитрий Юрьевич Вдовин осуществлял «полуконцертные» постановки опер; мои любимые одноклассники с разных факультетов на каждом концерте хором кричали «Аня, давай, Аня, жги!» (а я краснела)... Всё это – моя жизнь, которая не закончилась в стенах училища и академии, она длится по сей день.

Самое главное в нашей гнесинской семье – сплочённость и взаимная открытость. Помню, как каждый день мы заполняли всю столовую, образуя одну большую компанию. Все были равны, никто не отделялся по факультетам, всем было интересно друг с другом. Теоретики помогали нам по сольфеджио, народники – по НМК, а мы им ставили дыхание, рассказывали про оперы...

Артём Варгафтик

Музыкальный критик, лектор, телеведущий,
окончил РАМ им. Гнесиных в 1995 году

Я не пошёл поступать в консерваторию, потому что был почти на сто процентов уверен в том, что меня туда не возьмут. В Институте имени Гнесиных шансы были выше. Кроме того, человек, которого я очень уважал – виолончелист Виктор Львович Симон (в то время профессор Гнесинского института), честно сказал: если вы хотите научиться профессии, нужно идти в Гнесинку.

Любимое место в академии – «сачок» (речь идет о круглой скамье во дворе Гнесинки. – Прим. ред.). Он был центром, сердцем и пульсом общественной жизни до тех пор, пока там не запретили курить. На «сачке» собирались в любое время года, и всегда было с кем и о чём поговорить. Там стирались «сословные» границы: преподаватели со студентами общались на равных. Это дорогого стоило.

Фото: Ольга Смирнова

Люди, у которых я учился, – персонажи ушедшей эпохи. Тогда считалось, что от любой самой мелкой, непрестижной работы по специальности отказываться нельзя. Нельзя говорить: «Фи, непрестижно играть в каком-то «левом» оркестре какую-то киномузыку! Я подожду, когда мне позвонят из Нью-Йоркского филармонического оркестра и предложат сыграть «Жизнь героя» Рихарда Штрауса...» Ждать можно долго.

Сегодня мало что изменилось: кажется, что коллективов и возможностей стало больше, но на самом деле все места заняты крепкими взрослыми профессионалами, которые сидят за пультами и уходить не собираются. Такая же ситуация в хорах и театрах... Поэтому нужно внимательно смотреть вокруг себя и ни от чего не отказываться: каждый в итоге найдёт свое предназначение. Несмотря на конкуренцию, нас – музыкантов с правильным образованием, с нормальными руками и мозгами – мало.

Материал подготовили Алиса Алексеева, Анастасия Петровская, Анастасия Деминская, Анна Суворина, Максим Мартынюк

Даниил Крамер: «Я начал думать благодаря неравнодушию педагогов»

Выпускник фортепианного факультета Гнесинки – ведущий джазовый пианист страны, народный артист России Даниил Крамер рассказал Лидии Заграевской о том, почему его хотели исключить из института, зачем пианисту карате и как студенческая любовь помогла ему найти свою музыку.

Даниил Борисович, почему вы решили учиться именно в Гнесинке?

Я поступал не в Гнесинский институт, а к преподавателю. Его выбрала моя учительница Елена Владимировна Иолис, которая из Харькова привезла меня в Москву. Считаю, что это абсолютно правильное поведение истинного учителя – привезти ученика и передать его с рук на руки. Она показывала меня разным людям (например, мы побывали в консерватории у Горностаевой), наблюдала за занятиями, а затем выбрала моего будущего педагога. Так я очутился здесь, в классе Евгения Яковлевича Либермана, и никогда об этом не жалел.

Это был суровый папа. Суровый, но папа. Меня, к примеру, могли страшно отругать за то, что я не присутствовал на уроках других учеников – это известный нейгаузовский принцип обучения. По первости мой уход после своего урока могли простить, но во второй раз я мог серьёзно схлопотать по голове. Посещать только свои занятия считалось недопустимым.

То есть вы учились и на ошибках других студентов...

А они – на моих. Заодно меня приучали играть при чужих людях, которые во-о-о-от такими глазами анализируют каждую твою «бляку». А этих «бляк» у студентов, знаете ли, хватает. И, конечно, я учился преподавать. Я учился соразмерять теорию и практику, я учился понимать, когда нужно объяснять, а когда – показывать, потому что в искусстве не всё можно объяснить. Объяснять можно ремесло. Студент не всё может понять, он может, скорее, почуять, почувствовать, а преподаватель должен уметь показать. Хороший педагог – это играющий тренер. Он не просто должен уметь играть – он должен уметь великолепно играть, потому что великолепно играющий преподаватель вдохновляет студента.

Каким был ваш педагог по специальности?

Евгений Яковлевич – преподаватель ругающийся, кричащий на студентов. Но по уровню крика определялось, как он к нам относился. Если Евгений Яковлевич на уроке тихим миролюбивым голосом говорил «ну что ж, у тебя все ничего, молодец», это означало, что Евгений Яковлевич отказался заниматься со студентом. Можно уходить, менять преподавателя. Слово «молодец» в устах Евгения Яковлевича звучало как «выйди вон». Я получал следующие эпитеты: «птенец желторотый», «дурак», «играешь так, что пошёл вон! куда пошёл? вернись обратно!» И мне завидовали. Это означало, что за меня волнуются, переживают.

Вы занимались с ним только в институте или ещё и дома?

Я был принят в семью, потому что Евгений Яковлевич был Учителем, а не продавцом преподавательской услуги, а я был не потребителем, а учеником. Сцена, которой я горжусь, произошла в его квартире. Он тогда жил на Юго-Западной прямо у магазина польской моды «Ванда». Одна из комнат его трёхкомнатной квартиры была занята двумя роялями. Я пришёл на урок с откровенно плохо выученной программой, потому что у меня в то время случился роман, и было не до учёбы. В результате крик стоял такой, что через некоторое время раскрылась дверь в нашу комнату и зашла процессия: во главе – четырёхлетняя Марьяша, дочка, за ней старшая Карина и сзади Марина, жена. Марьяша держала в руках кухонный топорик, который она протянула Евгению Яковлевичу со словами: «Папа, это тебе! Только ты его не больно, сразу!» (смеётся)

Отношение других педагогов к вам было таким же небезразличным?

Та школа, которую я прошел и в Харькове, и в Гнесинке – это школа неравнодушных людей. Это неравно-

душие выражалось и в хорошем, и в плохом. Например, я получил свою пятёрку в диплом по полифонии, потому что насмерть поспорил с преподавательницей. Я заявил, что напишу двойную четырёхголосную фугу на одну страницу убористым почерком, с ракоходом, вступлением и заключением. Она сказала: «Если ты это сделаешь, я тебе сразу ставлю пять в диплом».

А по анализу я схлопотал тройбан и горжусь им, потому что эта тройка – результат диспута с преподавателем. Я считаю себя тогдашнего приличным специалистом по анализу формы: к тому времени я проанализировал много произведений и поэтому спорил аргументированно, но резко, и мои мысли не сходились с мыслями из учебника.

Неравнодушие моих преподавателей привело к тому, что я начал думать. Ведь равнодушие думать не заставляет. Оно заставляет тебя учить учебник, становиться зубрёжником, и жизнь становится серой, даже если ты об этом не подозреваешь. Для меня обладание кучей денег, громадным домом, длинноногой женой и автомобилем «Бэнтли» – это ещё не есть яркая жизнь.

«Либо я тебя вышвыриваю, либо ты забываешь про карате»

У вас складывались чудесные отношения почти со всеми учителями...

Отнюдь. Я не сахар, и никогда им не был. В студенческие годы, по молодости, и гадости делал, и всяко было. Но когда меня «заносило», тот же Евгений Яковлевич меня пару раз просто вытягивал.

Например?

На втором курсе я вместе с Лёшей Стародубровцевым, сыном тогдашнего проректора, пошёл заниматься контактным карате. Мне, молодому мужчине, требовалось осознание того, что в случае опасности я смогу защитить свою девушку. Мужчина должен быть мужчиной. И я колошматил, и меня колошматили. В итоге у меня начали развиваться кистевые мышцы, я мог шмякнуть по железной трубе и не разбить себе руку. Евгений Яковлевич выдернул меня одним жёстким ультиматумом: «Ты решаешь прямо сейчас, при мне: либо я тебя вышвыриваю навсегда, либо ты забываешь про карате». Руки у пианиста должны быть, как у ребенка: мягкие, гибкие и с незафиксированными кистями.

Вы позволяли себе пропускать пары?

Я закончил достойно, по специальности у меня пять с плюсом. И уж специальностью я практически никогда не манкировал: мне было всегда интересно. А вот по композиции занятия пропускал, и Генрих Ильич Литинский ловил меня в коридорах, потому что считал меня способным композитором. Сначала он пытался играть на моей любви к музыке, потом выбрал другую тактику: «Ты будешь членом Союза композиторов, получишь оплачиваемые отпуска, тебе разрешат ез-

дить в Дом отдыха композитора в Сочи. Пойми, что ты теряешь!» Но тогда, в молодости, у меня был другой тип мышления – меня не прельщали все эти блага. И вы, студенты, берегите ваш тип мышления, он потом изменится. Будет радостью сохранить его, ведь вы никогда потом не станете смотреть на мир так, как сейчас на него смотрите. Ни-ког-да.

«Благословляю мамину линейку»

Что стало отправной точкой в вашем становлении как джазмена?

На первом курсе у меня была девушка – самая красивая девчонка в институте. А я – украинский мальчик в брючках типа «Муля, не нервируй меня», в пиджачке фабрики «Большевичка». Весь институт обалдевал от нашего романа: почему красивейшая девочка вуза вообще взглянула на этого тюфяка, и как посмел этот тюфяк поднять глаза на такую красавицу? Она очень хорошо знала джаз и заставила меня пойти на концерт Леонида Чижики. Я поплёлся туда, приготовившись скучать. Вышел с отвисшей челюстью.

В те годы занятия джазом не особо поощрялись...

Меня многие поддержали в увлечении джазом, тот же Евгений Яковлевич. Но да, не все, конечно. Помню день, когда умер Брежнев. Я занимался, отработывая блюзовые лады различными способами. В класс залетает красный от гнева преподаватель с другого факультета и начинает кричать: «В такой день нельзя это играть!» Ну, студентов-то криком не сильно проймёшь, меня и сейчас криком не сильно проймёшь. И я сказал: «А что я играю? Расскажите мне, что я играю?» Он убежал. Только успел крикнуть, в какой тюрьме он меня завтра увидит. Но в тюрьме я после этого не оказался.

Во время учёбы случались другие неприятности: например, вас собирались исключить из института.

Да, за то, что я отправился на Всесоюзный конкурс джазовых импровизаторов в Вильнюс без разрешения вуза. До этого я ездил в Вильнюсскую консерваторию в составе делегации от Гнесинки по программе межинститутского обмена. Я там сыграл пару рэгтаймов, и мне сказали: «У нас есть Всесоюзный конкурс, приезжайте! Мы пришлём именно приглашение». И вот однажды звонок: «Так вы едете?» – «Куда?.. Когда?..» Оказалось, что литовцы послали телефонограмму в наш комитет комсомола, но, поскольку я учился тогда не самым лучшим образом, институт отдал моё приглашение другому. Я поднял скандал и поехал без разрешения.

От исключения из института меня спасло первое место, которое я занял на конкурсе. Хотя по приезде меня вызвали к ректору, но за меня вступились неравнодушные преподаватели – Валентина Яновна Журбинская, Юрий Владимирович Понизовкин, Евгений Яковлевич. Я тоже защищал себя, но по молодости не понимал, что это нужно делать, соблюдая интересы вуза, который вкладывает в тебя силы. После того, как педагоги меня отстояли, Евгений Яковлевич заперся со мной в классе и высказал самым неприятным образом всё, что обо мне думали преподаватели. Но это был разговор отца с сыном, а не разговор равнодушного учителя с равнодушным студентом.

Ваша мама тоже приняла участие в вашем становлении как музыканта...

Мама, когда я был ребенком, несколько раз была меня линейкой по рукам, когда я намеренно неправильно ставил руки: было неудобно. И она меня была линейкой по рукам. Сейчас, наверно, меня бы у неё отняли и отправили в детский дом. А я стал народным артистом России, и вот сейчас вы меня попросили приехать в академию на это интервью. Это потому, что моя мама, любившая меня безумно и желавшая для меня успешной карьеры, была линейкой по моим пальцам. И я эту линейку благословляю.

Полный вариант интервью опубликован на сайте журнала «Музыкальная жизнь»

Юрий Колесник: «Нынешние студенты прекрасно разбираются в фольклоре»

Фото: личный архив Ю. Колесника

Гнесинка любит народников. В 1948 году в вузе открылись первые в стране факультет и кафедра народных инструментов, а позже Гнесинский дом начал выпускать и руководителей народных хоров, и солистов-вокалистов.

О том, кто сегодня приходит учиться народному пению, нужно ли ломать сложившиеся традиции преподавания и что ждёт народную музыку в будущем, **Екатерине Салтецкой** рассказал **Юрий Колесник** – руководитель отдела сольного и хорового народного пения Училища им. Гнесиных.

Юрий Леонтьевич, отделение «Руководитель народного хора» существует с 1971 года, сначала – при дирижёрско-хоровом отделе. Как самостоятельная структурная единица с 1988 – года вашего поступления в училище. Что с тех пор поменялось в обучении?

Суть обучения не изменилась. С самого начала и в течение 35 лет отделом руководила Ирина Александровна Серебряная, которая держала курс на традиционное пение. И я в годы обучения старался больше петь и постигать народное пение именно как традиционное: как этническую культуру, а не только как народно-хоровую, сценическую. Хотя и сценическая составляющая, разумеется, осталась до сих пор.

Но, как и прежде, традиционное пение сегодня – главное. С введением новых стандартов у нас сильно поменялись учебные планы, но специальность мы постарались сохранить в прежнем виде. При этом мы вводим в репертуар студентов и иностранные песни: фольклорные или обработки фольклорных песен. Также работаем в жанрах, которые выросли из фольклора – госпел, спиричуэлс, например.

Изменились ли студенты за эти 30 лет?

Сегодняшние студенты менее музыкально образованные, но лучше разбираются в фольклоре. Потому что эта – специальная – территория в музыкальных школах представлена и сильнее, и глубже, чем общепрофессиональные дисциплины. Иногда в программах обучения сегодняшних школьников отсутствует сольфеджио, иногда – фортепиано. Что, конечно, плохо с точки зрения общего развития музыканта, но в школах ничего изменить мы не можем. А у себя пытаемся держать планку на правильном, высоком уровне.

Наверняка в исполнении народной музыки (как и в исполнении любой другой) существует определенная традиция, с одной стороны, – и попытки «сломать канон», с другой. Часто ли «ломают каноны» в училище? Это вообще приветствуется?

Традиция есть, традиций много, но что значит «сломать канон»? Если имеется в виду обработка фольклорного произведения – это одна история, если просто плохое исполнение, плохое проникновение в традицию – другая. Мы, конечно, стараемся, чтобы традиция была освещена максимально точно и правильно (ну, насколько это позволяют возраст и развитие наших студентов – они же подростки). Что касается обработок – мы не против. Мы вообще за любую хорошую музыку! И не имеет значения – это традиционная локальная музыка или какой-то жанр или направление профессионального, сценического

Фото: личный архив Ю. Колесника

искусства. Если музыка хорошо сделана, хорошо исполнена, почему нет?

Все ли студенты училища понимают, куда и зачем они пришли? Многие идут дальше по этому пути?

Да, очень многие идут дальше. В основном, ребята поступают с целью учиться, а не потому, что их сюда загнали. Был период, когда из-за последствий демографической ямы 1990-х некоторые приходили к нам потому, что так сказали родители, потому, что это – Гнесинка, имя. Сейчас ребята серьёзно готовятся к поступлению, у нас большой конкурс: в прошлом году на 9 бюджетных мест поступало около 40 человек.

Многие выпускники реализуют интересные проекты. Например, коллектив «Кóмонь» исполняет традиционную музыку и её обработки в различных стилях современной популярной музыки. Трио «Folkbeat» делает «клубные» обработки. При этом «Комонь» в манере пения тяготеет к традиционному звучанию, а «Folkbeat» звучит, скорее, эстрадно. Наши выпускники работали в группе «Иван Купала». У выпускника Сергея Антонова в Подольске – детский фольклорный театр «Яхонт». Перечислять можно долго...

Как, на ваш взгляд, будет дальше развиваться народная музыка?

Будут жить и современные обработки, и традиционный вокал, и народный хор. У каждого направления сегодня есть свои поклонники. Так что думаю, будет всё!

Музыка в лабораторных условиях

Одно из самых успешных начинаний Российской академии музыки – фестиваль-лаборатория *Gnesin Contemporary Music Week*. Рассказывает куратор проекта, студентка магистратуры **Ирина Севастьянова**.

«Мы собираемся играть современную музыку» – так начинался любой наш диалог с гнесинскими студентами два года назад. В ответ почти всегда слышали: «Но я её не играю». Как правило, на этом всё и заканчивалось, но нашлось несколько смельчаков, которые однажды попробовали – и им понравилось!

Изначально мы – участники команды лаборатории, студенты историко-теоретико-композиторского факультета – не затевали ничего грандиозного. Просто решили посмотреть, так ли страшна современная музыка, как её малюют. Начали с единичных мастер-классов по новым исполнительским техникам и встреч с композиторами. Потом собрали музыкантов и при поддержке ведущих московских солистов, занимающихся современной музыкой, выбрали программу. Репетировали долго и не без трудностей, но когда сыграли первый концерт, поняли: надо продолжать.

Современная музыка хороша тем, что в ней нет никаких границ. Уже в первой лаборатории участвовали студенты разных специальностей, всего более 60 человек. В ансамбле могли сойтись вместе все виды струнных или, например, аккордеон с басовой флейтой. А могло и вообще не быть традиционных инструментов – вместо них использовались бытовые предметы. Нам важно было показать разные форматы: слушатели то сидели в зале, то ходили по всей Шуваловке, наблю-

Фото: Анна Макарова

Участники Gnesin Contemporary Music Week

дая за музыкантами (так было на практикуме по импровизации).

Уже после первой лаборатории сложился небольшой ансамбль. Мы долго придумывали название и пришли к «Reheard», что значит «переосмысление», «музыка, услышанная по-новому». Сейчас в ансамбле почти 20 музыкантов: струнные, духовые, клавишные, ударные, аккордеон и мандолина. Состав необычный, и для него не так-то просто найти репертуар. Поэтому мы организовали международный конкурс партитур call for scores и буквально за месяц получили 30 заявок от композиторов из 14 стран мира.

За полтора года прошло больше 20 лекций и мастер-классов с российскими и зарубежными музыкантами. У нас также есть закрытые репетиции, куда приходят преподаватели, чтобы проконсультировать ребят. Стараемся активно взаимодействовать с композиторами: в числе гостей академии были Клаус Ланг (Австрия), Алексей Ретинский, Владимир Горлинский, Дмитрий Курляндский, Алексей Наджаров. Осенью ансамбль «Reheard» стажировался на Международной академии в городе Чайковском, где играл произведения молодых авторов.

При выборе программ мы ориентируемся на уровень сложности партитур. Тут возможны и проблемы с поиском инструментов (редкие ударные или видовые духовые часто даже в Москве есть лишь в единственном экземпляре), и трудности в освоении нового текста: для некоторых пьес нужно несколько месяцев регулярных репетиций.

Обычно в концертах чередуются сочинения классиков авангарда и новые работы. Музыканты сыграли более 15 российских премьер, и, что особенно важно, в репертуаре «Reheard» появились пьесы, написанные специально для ансамбля.

В этом году круг поклонников современной музыки расширился, потому что мы придумали образовательную программу для молодых исследователей. Двадцать участников приехали из разных регионов России и по итогам лаборатории написали несколько текстов для нашего партнера – сайта Stravinsky.online.

Несмотря на то, что у нас нет ни финансирования, ни репетиционной базы, мы всё же хотим продолжать исполнять новые сочинения.

Надеемся, что в следующем сезоне удастся открыть ещё одно направление – специальную лабораторию для композиторов, а также начать сотрудничество с европейскими молодёжными ансамблями.

«Прошу зачислить меня в ряды Шаркома!»

Мы все шаркомики,
Большие комики,
И в этом домике
Живём давно.

Шарады ставим мы
При всяком случае.
Коль вас замучаем,
Нам всё равно!

И если публика
Носы повесила
И ей невесело,
Нам всё ж смешно.

Вы пригласили нас,
Мы не уйдём теперь.
Коль нас прогонят в дверь –
Войдём в окно.

Это – гимн Шаркома. Известно, что в Советской России 1920-х годов было великое множество разных комитетов. Чем гнесинцы хуже других? Вот в 1925 году они и создали свой комитет – Шарадный. Главная его цель – развлекаться. Разумеется, культурно и даже интеллектуально. Остроумные студенты и преподаватели сочиняли частушки, дружеские шаржи и шарады. Последние были поистине народным жанром – их авторы нам неизвестны. Но известно, что в Шарадный комитет входили многие из тех, кто оставил заметный след в отечественной культуре. В гнесинском музее хранится заявление самой Елены Фабиановны: «Прошу зачислить меня в ряды Шаркома».

Шарком просуществовал примерно до 1930 года. А в 1945 выдающийся музыковед-теоретик Сергей Сергеевич Скребков написал шутивную историю «Гнесинского комитета». Вот она:

«Идея создания Шаркома принадлежит, в первую очередь, Елене Фабиановне. Для осуществления этой идеи она организовала Музыкальную Школу.

Отбор кадров Шаркома был связан с определёнными противоречиями. Большие надежды подавал некто Лёва Оборин, но он не сумел удержаться на высоте

задач, и от Шаркома отпал, за что горько заплатился. А именно: ему пришлось стать лауреатом международного конкурса.

Первый период истории Шаркома простирается до 1926 года. Особенный успех в это время имели две шарады, говорящие о предельно высокой литературной культуре шаркомиков; во-первых, было

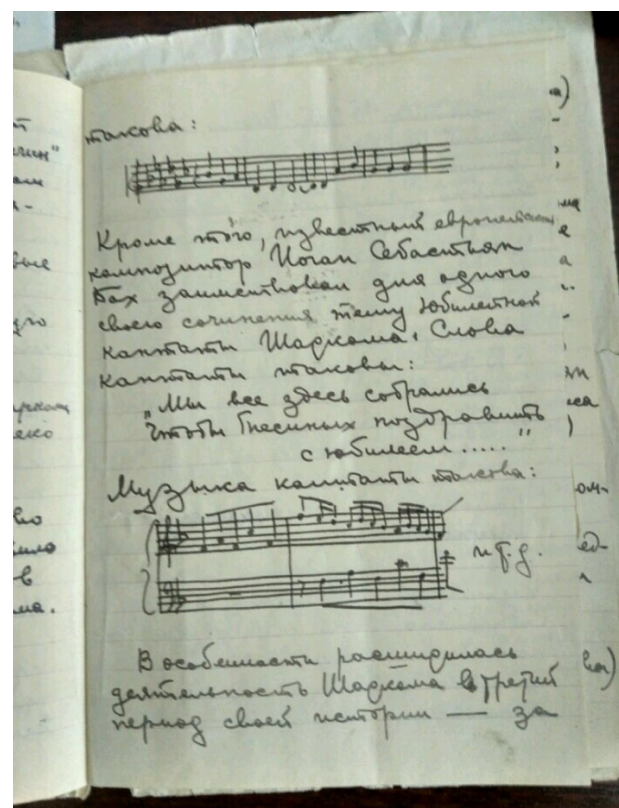

«I международный день Шаркома» 2 декабря 1927 г. Слева направо: нижний ряд – С. Скребков, Б. Сухаревский, А. Хачатурян, Ю. Сухаревский; верхний ряд – Е. Давыдова, О. Бекман, Т. Кишкина, К. Виноградов, А. Николаев, В. Исаева, Т. Давыдова, В. Бекман

поставлено слово «Пантомима», во-вторых, слово «Индустриализация».

Второй период простирается до 1930 года и представляет собой эпоху дерзновенных исканий нового стиля. Творческое влияние Шаркома стало выходить уже далеко за пределы Гнесинского училища. Так, например, Вестминстерское аббатство в Лондоне спешно установило у себя на башне бой часов с мелодией гимна Шаркома.

В особенности расширилась деятельность Шаркома в третий период своей истории – за последние пятнадцать лет. Число выступлений несколько уменьшилось, но сильно углубилось содержание и продуманность. В эту эпоху деятели Шаркома стали насаждать идеи Шаркома в других организациях. На принципах Шаркома развёртывает свою хозяйственную деятельность в Союзе композиторов Арам Хачакопян (псевдоним Хачатурян). Серёжа Граблин (псевдоним Скребков) пошёл по линии медицины и даже недавно стал док-

Музыка Гимна Шаркома и Юбилейной кантаты (Фрагмент «Истории Шаркома», автор – С. Скребков)

тором – в настоящее время он практикует в ряде музыковедческих поликлиник.

В последние годы творческая деятельность Шаркома настолько расширилась, что рамки Музыкального училища стали тесными. Поэтому в прошлом году училище было преобразовано в Институт.

За свои двадцатилетние заслуги Шаркому присвоено почётное звание Шарком имени Собачьей Площадки».

Одни шарады существовали в виде стихов, а другие ставились как театральные сценки. Многие из этих литературных ребусов довольно замысловатые, так что не все шарады мы сегодня можем разгадать. Но попробовать можно.

1

Два первые слога мои
Преступника в ужас ввергают.
Подчас же в реках корабли
От третьего слога страдают.

А целое часто людям
Их горькую жизнь улаживает.
Где целое лучше бывает?
Скажите скорее, кто знает!

4

Мой первый слог есть куль рогожный,
Второй мой слог есть вальса тур,
А целое мы сможем получить,
Когда б нам удалось здесь
«А» включить.

2

Возьмите полководца
Вы Августа времён,
Кой в глубь забрался леса,
А с ним весь легион;

Его вы повторите
В двух разных падежах
И образ нам знакомый
Появится в глазах.

5

Мой первый слог есть приношение,
Второй мы просим лишь тогда,
Когда желаем в наслажденьи
Былое вспомнить иногда.
А целое легко узнать
Тому, кто мог его читать.

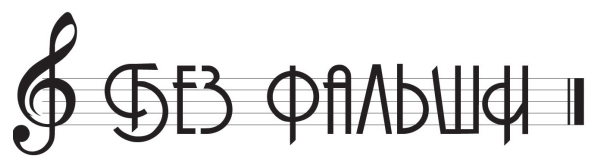
3

Первый слог мой без сомнения
Выражает удивление.
Слог второй находится, как в Ниле,
Точно так и в крокодиле.

Третий ноту означает
По-немецки коль прочтём.
Целое и дети знают,
Его в Мифах мы найдём.

1. члэмвараж 2. нрварваря 3. ээ(и)лиха 4. врлчлчлчлч
5. (в)нивардл

Материал подготовила Ангелина Дудикова
Фото: Мемориальный музей-квартира Е. Ф. Гнесиной

Газета студентов РАМ им. Гнесиных
Специальный выпуск / 2020

bezfalshi.ru
bfgnes@list.ru

Адрес редакции: Москва, РАМ им. Гнесиных,
ул. Поварская улица, д. 30-36

Главный редактор: Вадим Симонов

Вёрстка: Вадим Симонов

Над номером работали: Юлия Агишева, Алиса Алексеева, Лада Аристархова, Надежда Багдасарян, Владислава Власова, Анастасия Деминская, Ангелина Дудикова, Лидия Заграевская, Максим Мартынюк, Анастасия Петровская, Екатерина Салтецкая, Ирина Севастьянова, Анна Суворина

Фото на первой полосе: пресс-служба Минин-хора (В. Минин), Пётр Колчин (Д. Крамер), Анна Махортова (участники Gnesin Contemporary Music Week)

Перепечатка материалов допускается по согласованию с редакцией.

Отпечатано в типографии РАМ им. Гнесиных

Благодарим за организацию печати номера Марию Борисовну Облезову, начальника отдела планирования и организации концертной работы РАМ им. Гнесиных